

Ли Сюэ-цин

李學勤

(28 марта 1933 – 24 февраля 2019)

На 86-ом году жизни скончался патриарх китайской науки о древности, археолог, историк и палеограф Ли Сюэ-цин. Он родился в 1933 г. в Бэйпине/Пекине, был единственным ребёнком в семье медицинского работника (специалиста по питанию в американском Объединённом медицинском колледже (*Се-хэ и-сюэюань* 協和醫學院, Union Medical College)). Первые детские воспоминания Ли Сюэ-цина связаны с боями в Пекине в 1937 г. Из-за плохого здоровья он пошёл в школу лишь в 9 лет, сразу в третий класс – до того учился дома. В том же 1941 г. Объединённый колледж, как и другие американские учреждения Пекина, до того неприкосновенные, был занят японскими войсками, отец Ли Сюэ-цина потерял работу и был вынужден перебиваться случайными заработками. В 1948 г. Ли Сюэ-цин окончил среднюю школу при методистском университете *Хуэй-вэнь дасюэ* 滙文大學 («Университет [всех] видов образованности»), тогда уже вошедшем в состав Яньцзиньского университета *Яньцзин дасюэ* 燕京大學 – некогда в этой школе учился и его отец. Осенью, тяжело переболев тифом, он вместе с друзьями поступил в лучшую высшую школу города – недавно основанное Бэйпинское государственное высшее техническое училище *Го-ли Бэйпин гао-дэн гунье сюэсяо* 國立北平高等工業學校 (ныне – Пекинский технический университет *Бэйцзин гунье дасюэ* 北京工業大學), на наиболее престижное отделение электротехники. Однако к занятиям его не допустили – на медицинском осмотре ему был поставлен неутешительный диагноз: запущенный двусторонний туберкулёз. Вскоре выяснилось, что диагноз был вызван ошибкой рентгенолога – но в Техническое училище Ли Сюэ-цин более не вернулся, поскольку не слишком хотел заниматься электротехникой.

В старших классах Ли Сюэ-цин интересовался философией, прежде всего западной – много читал в переводах И. Канта, Дж. Беркли, Д. Юма, зачитывался книгами Б. Рассела. В то время в университете Цинхуа *Цинхуа дасюэ* 清華大學 институт философии возглавлял учившийся (в том числе) у Рассела Цинь Юэ-линь 金岳霖 (1895-1984) – крупный философ, пионер математической логики в Китае – его книга «Логика» (*Ло-цзи* 邏輯, 1936) также была в числе прочтённого. В 1951 г. Ли Сюэ-цин сдал экзамены в университет Цинхуа, чтобы учиться у Цинь Юэ-линя.

Но Ли Сюэ-цин читал не только книги по философии. В 13 лет он прочёл один из томов журнала «Спор о древней истории» *Гу-ши бянь* 古史辨, в 1926-1941 гг. выходившего под общей редакцией знаменитого историка Гу Цзе-гана 顧頡剛 (1893-1980) – основателя критического

Движения сомнения в древности *И-гу пай* 疑古派 (одним из вдохновителей движения также считается учитель Гу Цзе-гана Ху Ши 胡適 (1891-1962)). Затем он раздобыл все семь томов журнала, и работы «сомневающихся в древности» во многом сформировали его интерес к истории Китая. Незадолго до поступления в университет – в 1949 г. – он открыл для себя ещё одну сферу интересов – тексты на гадательных костях (*цзягу-вэнь* 甲骨文) – древнейшие памятники древнекитайской письменности, созданные в XIII-XI вв. до н.э. в эпоху существования государства Шан 商 (1600-1046 гг. до н.э.). В начале его привлекла сложность, почти абсолютная непонятность этих текстов, которую он воспринял как вызов. Многие часы Ли Сюэ-цинъ проводил в Пекинской библиотеке, где самостоятельно научился читать эти действительно крайне сложные для понимания тексты. Юношу, постоянно читающего почти исключительно книги, связанные с палеографией, заметил глава департамента эпиграфики (*цзинь-ши сюэ* 金石學, «изучение [надписей] на металле и камне») Цзэн И-гун 曾毅公 (1903-1991), много работавший с фрагментами гадательных костей, составляющими основную массу находок, пытаясь соединить некоторые из них с целью получить более крупные (и, следовательно, более читаемые) тексты.

В 1952 г. в рамках реформы высшего образования, которое должно было быть приближено к советскому образцу, Университет Цинхуа стал техническим университетом, его гуманитарные факультеты, а также многие отделения теоретической науки – физики, химии, математики – вошли в состав Пекинского университета *Бэйцзин дасюэ* 北京大學. В это время Ли Сюэ-цинъ решил сменить направление учёбы – аналитическая философия и математическая логика, которые привлекали его, были запрещены к преподаванию, а тяга к гадательным костям становилась всё сильнее. Ли Сюэ-цинъ сделал попытку перевестись на открывшийся в Пекинском университете факультет археологии, но получил отказ. Впрочем, это не слишком его огорчило – примерно в это время он был приглашён в Институт археологии Китайской академии наук *Чжунго кэсюэ-юань каогу яньцзюсо* 中國科學院考古研究所 по рекомендации ведущего специалиста по гадательным костям – Чэнь Мэн-цзя 陳夢家 (1911-1966), также потерявшего привычное место работы в Университете Цинхуа. В 1952-1953 гг. Цзэн И-гун и Ли Сюэ-цинъ (в это время в Пекине лишь они двое имели достаточную для этого квалификацию) провели большую работу по объединению ряда фрагментов костей и верификации результатов предыдущих исследований. В университет Ли Сюэ-цинъ так более и не вернулся и высшего образования не получил.

Несмотря на то, что работа Ли Сюэ-цинъ была высоко оценена, остаться в Институте археологии ему не удалось, и в 1954 г. он перешёл на работу в Институт средневековой истории (Институт 2) Китайской академии наук *Чжунго кэсюэюань лиши яньцзюсо ди эр со* 中國科學院歷史研究所第二所, где работал ассистентом видного марксиста, переводчика «Капитала» и историка китайской философии Хоу Вай-лу 侯外廬 (1903-1987), назначенного заместителем директора. Хоу Вай-лу он был рекомендован как человек, хорошо знающий классический китайский язык (в это время Ли Сюэ-цинъ ради заработка преподавал *вэнь-янь* китайцу-хуацяо). Через некоторое время Институт археологии подал запрос о возвращении Лю Сюэ-цинъ – но Хоу Вай-лу оставил его при себе. Ли Сюэ-цинъ занимался закупками книг для библиотеки института, а также готовил к переизданию книги и статьи Хоу Вай-лу – почти все они вышли в годы войны и изобиловали опечатками. Вскоре Ли был включён в состав группы по подготовке к печати сводного труда «История китайской мысли» (*Чжунго сы-сян ши* 中國思想史, вышла в шести книгах в 1963 г.) и практически возглавил её (формальным руководителем был Хоу Вай-лу, но у него не всегда хватало на это времени).

Работа с гадательными костями была возможна только в вечерние, свободные часы. Тем не менее была подготовлена к печати (она была опубликована в 1959 г.) первая большая работа Ли Сюэ-цинъ «Краткое рассуждение о географии Иньского периода» *Инь-дай дили цзянь-лунь* 殷代地

理簡論, в которой учёный собрал данные по экономической и политической географии государства Шан – и вообще постарался как можно подробнее проанализировать географические данные, содержащиеся в текстах на гадательных костях. Также в это время он много работал с эпиграфикой времён Сражающихся царств (V-III вв. до н.э.) – до того этими вопросами занимался только Ван Го-вэй 王國維 (1877-1927) – и предложил очевидное ныне объяснение разнобоя в написаниях знаков особенностями письменных традиций разных царств.

Немало сил отнимали и многочисленные политические кампании – на тот момент в основном против «правого уклона». Ли Сюэ-циню пришлось участвовать в критике Чэнь Мэн-цзя, получившего ярлык «правоуклониста» за свою критику предложенной партией и правительством реформы письменности, в том числе введения в оборот «упрощённых» иероглифов. Ли Сюэ-циню по поручению институтского начальства написал очень резкую рецензию на его главную работу о гадательных костях «Обзор гадательных надписей Иньсюя» *Иньсюй бу-цы цзуншу* 殷虛卜辭綜述, вышедшую в 1956 г.; позже он вспоминал об этом с раскаянием, отмечая, впрочем, что старался критиковать только научные методы автора, не указывая на его политические «ошибки»¹. В 1960 г. Ли Сюэ-циню, как и большинство его коллег, прошёл через «перевоспитание» сельским трудом, а затем в 1964 г., в период «четырёх чисток» *Си цин* 四清 (1963-1966), был направлен в деревню для «приведения в порядок» местных кадров. В 1965 г. он должен был отправиться с той же целью в Мэньтоугоу 門頭溝 к западу от Пекина, но не поехал из-за рождения второго ребёнка. Коллеги Ли Сюэ-циню, отправившиеся туда, долгие годы не могли вернуться в город из-за начала «Великой культурной революции».

Культурная революция ударила по обоим менторам Ли Сюэ-циню – 3 сентября 1966 г. покончил с собой Чэнь Мэн-цзя, а Хоу Вай-лу, против которого была начата разгромная кампания, перенёс инсульт и остаток дней прожил немощным калекой. По некоторым свидетельствам, Ли Сюэ-циню активно участвовал в политических кампаниях этого времени. Деятельность институтов прервалась, нормальная научная работа также стала практически невозможной.

В 1971 г. сотрудники институтов истории и археологии в практически полном составе покинули Пекин и были отправлены в одну из «школ кадров 7 мая» *У-ци гань-сяо* 五七幹校 – эти разбросанные по всей стране «школы» фактически представляли собой трудовые лагеря-поселения сравнительно мягкого режима, где «проходящие переподготовку кадры» должны были треть времени тратить на свою профессиональную деятельность, треть – на работу в поле, и треть – на изучение трудов Мао Цзэ-дуна. Начать пришлось со строительства – «школа» представляла собой просто пустырь. Археологи отвечали за изготовление кирпичей, историки – за их доставку к месту строительства. Ли Сюэ-циню был среди строителей – эту профессию он освоил в ходе «перевоспитания» в 1960 г. Печей для обжига не хватало, и бараки частично строились из сырцового кирпича из лёсса и соломы. Ли Сюэ-циню провёл в «школе кадров» сравнительно недолгое время – год и три месяца, после чего ему и ещё нескольким специалистам было позволено вернуться к семье в Пекин – их помощь требовалась для подготовки к печати нового издания вузовского учебника по истории Китая «Очерк истории Китая» *Чжунго-ши гао* 中國史稿 (вышел из печати в 1976 г.), написанного президентом Китайской академии наук, вице-премьером Госсовета Го Мо-жо 郭沫若 (1892-1978). Работой руководил Инь Да 尹達 (1906-1983), заместитель директора Института древней истории (Института 1) *Чжунго кэсюэюань лиши яньцзюсю ди и со* 中國科學院歷史研究所第一所; пост директора там занимал сам Го Мо-жо.

¹ Необходимо отметить, что некоторые аспекты этой критики имели большое научное значение: например, в этой своей рецензии Ли Сюэ-циню наметил новые подходы к периодизации и классификации гадательных надписей, которые получили дальнейшее развитие в его работах конца 70-х - начала 80-х гг. Но время для этой критики, конечно, трудно признать удачным.

В 1973 г. научная жизнь стала понемногу возрождаться. По поручению Инь Да Ли Сюэ-цинъ посетил ряд памятников, на которых были возобновлены раскопки. В 1972-1973 г. были сделаны две важнейшие находки, превратившие археологию в одну из главных тем в китайской печати – в Шаньдуне, в Иньцюэшани 銀雀山, было найдено ок. 5000 бамбуковых планок 2-й пол. II в. до н.э., содержащих тексты ряда важнейших древнекитайских философских трактатов (например, военного трактата «Сунь-цзы» 孫子), а в Хунани, в Мавандуе 馬王堆, были обнаружены могилы чаншаских князей 1-й пол. II в. до н.э., содержащие прекрасно сохранившиеся, крайне разнообразные по содержанию тексты на шёлке (общий объем – ок. 120 тыс. слов) и уникальные предметы обихода. По просьбе Го Мо-жо премьер Госсовета Чжоу Энъ-лай 周恩來 (1898-1976) разрешил публикацию научной археологической периодики, под общим контролем учрежденного Государственного управления по делам памятников *Гоцзя вэнь-у-шиэ гуаньли-цзюй* 国家文物事业管理局 начали организовываться рабочие группы по проведению археологических исследований, изучению и сохранению найденных артефактов. В 1974 г. была организована группа по работе с мавандуйскими текстами, в которую был включён и Ли Сюэ-цинъ. Впрочем, политработники Института истории не позволили ему заниматься этим как следует – трижды в день он должен был участвовать в собраниях сотрудников в рамках очередной политической кампании. Работать приходилось по воскресеньям, дома, по фотографиям текстов, передаваемым ему коллегами из рабочей группы. Только в январе 1975 г. Ли Сюэ-цинъ был уволен из Института истории и передан в распоряжение Управления по делам памятников, где работал до 1978 г., когда деятельность Института истории была формально возобновлена и Ли Сюэ-цинъ вернулся туда в качестве заместителя заведующего Лаборатории палеографии и древних текстов *Гу-вэньцзы гу-вэньсянь яньцзюши* 古文字古文獻研究室, которую возглавил академик Чжан Чжэн-лан 張政烺 (1912-2005). Впрочем, вскоре лаборатория была расформирована в связи с переходом Института истории в ведение Китайской академии общественных наук *Чжунго шэхуэй кэсюэюань* 中國社會科學院. Ли Сюэ-циню было предложено на выбор возглавить Отдел исследований доциньской истории *Сянь-Цинъ яньцзюши* 先秦研究室, до того возглавлявшийся крупным специалистом по гадательным костям Ху Хоу-сюанем 胡厚宣 (1911-1995), или Отдел исследований истории мысли *Сысян-ши яньцзюши* 思想史研究室, во главе которого стоял также уходящий на пенсию Хоу Вай-лу. Ли Сюэ-цинъ выбрал первое.

Ко второй половине 70-х – началу 80-х гг. относятся важнейшие работы Ли Сюэ-цинъ в области периодизации надписей на гадательных костях. Уже в упоминавшейся рецензии на книгу Чэнь Мэн-цзя (1957) он критически отзывался о принятых до того периодизациях, опиравшихся почти исключительно на содержащиеся в них имена гадателей, полагая крайне важным также палеографический анализ текстов – однако в то время в его распоряжении было совершенно недостаточно материала, чтобы развить этот тезис. После находки в 1973 г. к югу от деревни Сяотунь интересной группы надписей (т.н. надписи *Сяотунь нань-ди* 小屯南地) Ли Сюэ-цинъ вернулся к этой теме, выдвинув гипотезу о существовании двух линий эволюции графических форм шанских иероглифов, с опорой на которую им и его последователями была предложена новая система периодизации, ныне являющаяся наиболее популярной среди специалистов.

В 1985 г. Ли Сюэ-цинъ занял пост заместителя директора Института истории Китайской академии общественных наук (занимал должность до 1988 г.), с 1991 по 1998 гг. возглавлял институт. Авторитет учёного внутри страны быстро рос – и столь же быстро росла его известность на Западе (в 1978 г. он впервые посетил Австралию, Гонконг и США, в 1981 г. – Кембридж) – как благодаря профессиональным качествам и плодовитости (Ли Сюэ-цинъ – автор десятков книг и почти тысячи статей; ряд его главных работ вышел и по-английски), так и из-за хорошего знания английского языка, редкого для китайских учёных его поколения. В 1986 г. Ли Сюэ-цинъ стал почётным членом Американского восточного общества (American Oriental Society), затем –

почётным профессором Кембриджского университета, Калифорнийского университета (Беркли) и т.п. В 1992 г. он возглавил созданный им Международный институт синологии Университета Цинхуа *Цинхуа-дасюэ гоци ханьсюэ яньцзюсо* 清華大學國際漢學研究所- один из первых центров, занимавшихся изучению вклада иностранцев в изучения Китая.

В 1993 г., выступая в Пекинском университете, Ли Сюэ-цин призвал историков «выйти из эры «сомнения в древности»» (именно такой заголовок (*Цзоу чу и-гу ши-дай* 走出疑古時代) получила его программная статья, опубликованная в 1994 г.). Главным тезисом этой лекции стала констатация, что критический подход Гу Цзе-гана и его школы изжил себя, потому что найденные археологами тексты в основном подтверждают традиционную версию древней истории, которую Гу Цзе-ган предлагал считать не более чем легендой (Ли Сюэ-цин, напротив, считал её «переданной традицией»). Сомневаться в древности неконструктивно. Конечно, не стоит и безоглядно верить (*синь* 信) ей, как когда-то призывал Конфуций, – её необходимо интерпретировать (*ши* 釋), то есть искать в текстах новую информацию о малоизвестных периодах древней истории, не объявляя их баснословными *a priori*. Именно это «объяснение древности» Ли Сюэ-цин предложил сделать девизом изучающих древний Китай². Выступление учёного вызвало неоднозначную реакцию, особенно среди зарубежных китаеведов, указавших на то, что на самом деле противоречий между вновь обретенными текстами и историей, изложенной в традиционных письменных памятниках (прежде всего у Сыма Цяня 司馬遷), довольно много и постоянно становится больше, а неочевидность этого конфликта во многом связана со стремлением китайских учёных искать в археологических источниках прежде всего то, что совпадает с летописной версией истории, и сколь возможно «заметать под ковёр» (или, по крайней мере, не слишком акцентировать) то, что этой версии противоречит. Такая «интерпретация», с порога отметающая возможность принципиальных сомнений в основных векторах исторического развития, кажется не слишком далёкой от конфуцианского «доверия» и вряд ли может считаться в полной мере применимой в исторической науке как таковой.

К этому времени Ли Сюэ-цин становится не только крупным учёным, но и, по сути, политической фигурой. Его очевидное умение находить общий язык с партийной верхушкой (Ли Сюэ-цин был членом КПК) заставляет многих сравнивать его с Го Мо-жо, сочетавшим бесспорно квалифицированные занятия академической наукой с выполнением пожеланий верхов и даже предвосхищением оных. Появление такой фигуры – и именно среди специалистов по древней истории – в Китае того времени было вполне предсказуемым. На смену коммунистической идеологии, не слишком применимой к новым реалиям, начала приходить квазинационалистическая, более понятная большинству населения – и в ней огромную роль играла китайская история, вернее сложившиеся представления о ней.

В этой обстановке партия и правительство, строящие свою риторику во многом на постоянном апеллировании к древности китайской цивилизации, всегда игравшей огромную роль в истории человечества, и, следовательно, вполне заслуживающей такого же места и в современном мире, нуждались в поддержке профессионального сообщества. Историки стали частыми гостями на телеэкранах и трибунах совещаний самого высокого уровня, уровень их медийности в современном Китае вряд ли можно сравнить с известностью их коллег в иных странах. Своеобразной платой за благополучие и обласканность властями стали определённые ограничения, которым историк должен следовать в своих работах, – обычно сравнительно незначительные для сугубо академических публикаций и весьма заметные для научно-популярных текстов или публичных выступлений. Намередаясь опереться на авторитет китайской древности,

² В данном случае Ли Сюэ-цин следует одному из своих учителей времён недолгого обучения на философском факультете Цинхуа – Фэн Ю-ланю 馮友蘭 (1895-1990), призывавшему к «интерпретации древности» в своём предисловии к шестому тому «Споров о древней истории».

традиционно неоспоримый в Китае, власти не заинтересованы в демонтаже её сложившегося образа и крупных дискуссиях относительно основных векторов её развития, равно как и в явно негативной оценке какого-либо крупного исторического деятеля или периода. В этом китайское руководство сходно со сторонниками «клиотерапии» из других стран, предлагающими использовать историю только как кладёз позитивных образов, пригодных для формирования нужного им, прежде всего патриотического, настроения населения, но отличается от конфуцианских историографов былых эпох, считавших необходимым маркировать также и отрицательных персонажей, призванных оттенять мудрых правителей и быть предостережением для власть предержащих. В итоге китайская историческая наука и вправду вынуждена «отойти от критики древности», ограничиваясь лишь уточнением деталей исторического процесса, общий абрис которого, заданный традиционным летописанием, корректировать крайне нежелательно. Отсюда, в частности, и нередко высказывавшиеся китайскими историками, в том числе Ли Сюэ-цинем, тезисы о том, что отсутствие синхронных письменных источников вовсе не повод отрицать историчность государства Ся 夏 (с точки зрения традиционного летописания – первое государство китайской истории, якобы существовало в 2070-1600 гг. до н.э., в дописьменную эпоху) и даже период легендарных «Пяти теархов» 五帝 следует считать бесспорно реальным – нужно лишь дополнить знания о нём посредством археологических данных.

Ярким примером этого подхода стал громкий и крайне амбициозный Проект хронологии Ся, Шан и Чжоу 夏商周断代工程, реализованный при беспрецедентной государственной поддержке (и по государственной инициативе) в 1996-2000 г. Во главе примерно двухсот экспертов встал Ли Сюэ-цин (также он был «председательствующим учёным» 首席科学家 в области истории). Проведённая работа была заранее объявлена огромным вкладом в изучение китайской древности, предложенные в результате проекта даты ныне используются практически во всех общих и многих специальных работах, как в Китае, так и во всём мире (хотя со многими из них в той или иной степени согласны отнюдь не все; многие специалисты вообще считают крайне сомнительной (вернее – невозможной, если оставаться в рамках науки) точную датировку многих событий древней истории). В ходе проекта было проведено множество по-настоящему ценных исследований, но при этом нельзя не отметить ряд совершенно ненаучных компонентов этого проекта – прежде всего, отказ от любой дискуссии или оговорок по вопросу об историчности государства Ся. Как видно по самому названию проекта, это легендарное государство априорно рассматривалось как в той же степени заслуживающее исторического признания, что и бесспорно существовавшие Шан и Чжоу – и все многочисленные аргументы (некогда выдвинутые в том числе и Гу Цзе-ганом) в пользу, как минимум, крайне высокой вероятности создания мифа о первом государстве во времена гораздо более поздние, чем его гипотетическое существование, были отвергнуты. Не случайно проект в целом был довольно прохладно принят мировой синологической общественностью, указавшей на его явную политизированность и противопоставленную исторической науке ориентированность на традицию.

Проект стал пробным шаром в области организации исторической науки в Китае – теперь она развивается прежде всего в рамках пятилетних планов, каждый из которых проходит под эгидой большого приоритетного проекта – работа исследователей, включённых в число исполнителей проекта, финансируется особенно щедро. И каждый из этих проектов тесно связан прежде всего с тем образом истории, который удобен партии и правительству.

В 2003 г. Ли Сюэ-цин стал профессором Института гуманитарных и общественных наук (Исторического факультета) Университета Цинхуа 清华大学人文社会科学学院 (основан в 1993 г.; гуманитарные факультеты стали открываться в Цинхуа с 1978 г.); в 2011 г. стал директором Китайского музея письменности 中国文字博物馆 в Аньяне (Хэнань); в течение долгого времени Ли Сюэ-цин в качестве

консультанта и председателя Комитета по науке активно участвовал в подготовке музея к открытию (в 2009 г.). Помимо этого, он занимал и множество иных почётных и весомых постов – был председателем правления Китайского общества изучения доциньской истории *Чжунго Сянь-Цинь-ши сюэхуэй* 中国先秦史学会, возглавлял дискуссионную группу по историческим наукам Комитета по учёным степеням Госсовета КНР *Гоюань сюэвэй вэйюаньхуэй лиши пинъи-цзу* 国务院学位委员会历史评议组, был делегатом Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая 9 созыва (1998-2003) и проч.

В науке главным занятием Ли Сэ-циня в последние годы была работа с т.н. Планками Цинхуа *Цинхуа цзянь* 清華簡 – 2388 бамбуковыми планками, подаренными Университету Цинхуа его выпускником Чжао Вэй-го 趙偉國, приобретшим их на гонконгском чёрном рынке. Предполагается, что планки были найдены в Хубэе или Хунани и датируются приблизительно концом 4 в. до н.э. Тексты представляют собой крайне богатый набор философских, религиозных, летописных, медицинских, математических текстов, изучение которых крайне важно для изучения доциньской истории и интеллектуальной жизни древнего Китая. В 2009 г. специально для этой коллекции в Университете Цинхуа был создан Центр изучения и хранения извлечённых из земли источников *Чу-ту вэньсянь яньцзю юй баоху чжунсинь* 出土文献研究與保護中心, который возглавил Ли Сюэ-цин. В 2011 г. вышел первый том публикации планок (*Цинхуа дасюэ цзан Чжаньго чжу-цзянь* 清华大学藏战国竹简); в ноябре 2018 г. появился восьмой.

Уход Ли Сюэ-циня, без сомнения, большая потеря для мировой науки и важная дата для китаеведения. Поколение, учившееся у великих учёных докоммунистической эры и формировавшееся в тяжелейшие, уродующие годы «культурной революции», уходит. Какой будет китайская синология завтрашнего дня? Какой бы она ни стала, профессор Ли Сюэ-цин, без сомнения, заслужил в её пантеоне место рядом со своими учителями. Requiescat in pace.

О жизни Ли Сюэ-циня см.: Li Xueqin and Sarah Allan. Interviews with Li Xueqin: The Life of a Chinese Historian in Tumultuous Times: Part One // Early China. Vol. 35/36 (2012-2013). P. 1-35; Li Xueqin and Wang Tao. Interviews with Li Xueqin: the Life of a Chinese Historian: Part Two // Early China. Vol. 35/36 (2012-2013). P. 36-55.

С.В. Дмитриев, при участии Т.А. Сафина